

Часть четвертая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глава 33

«Россия перед выбором».
Завещание Сахарова.
Одрыхлевшее прошлое.
«Процесс пошел».
Полемика с Гайдаром. Сгущение времени.
Союз трудовых коллективов

В 1989 году, как я уже говорил, у «Хердера» вышла по-немецки моя книга «Самоуправление» под названием «Россия перед выбором. Самоуправление или тоталитаризм?» Меня иные тогда спрашивали с иронией: «А третьего не дано? Например – буржуазной демократии?» Теперь уже так не спрашивают: с демократией покончено, и до тоталитаризма осталось совсем немного!

Получив в руки сигнальный экземпляр книги, я пришел к руководству русской редакции и дерзко заявил, что надо бы, как водится в таких случаях, передавать оригинальный русский текст книги по радио. Начальству пришлось согласиться: «Хердер» — это высокая марка! И я стал передавать книгу по частям, еженедельно.

Тем временем начались горбачевские реформы, направленные в сторону трудового самоуправления. Был принят закон об аренде предприятий трудовыми коллективами с выкупом их за счет прибылей, и стали вводиться выборы директоров. Я выступал в своих программах и комментариях с критикой половинчатости этих реформ. Выборы руководителей, утверждал я, должны начаться лишь после того, как предприятия станут собственностью работников, чтобы у них была заинтересованность выбирать эффективных, а не покладистых руководителей. И выкуп предприятий за счет прибылей — тоже очень опасное дело! Во-первых, большинство коллективов уже давно выкупили свои предприятия за счет безвозмездно отнимавшейся у них государством значительной части продукции (их частной собственности!), а во-вторых, большинство предприятий нуждались в ремонте, модернизации или конверсии, и коллективы могли бы тратить свои прибыли на эти цели, вместо того чтобы отдавать значительную их часть опять же государству (за аренду и в счет выкупа). Такой ход реформы, утверждал я, словно специально задуман номенклатурой, чтобы реформы эти провалить. Ну и, в-третьих, коллективы должны были бы получить больше прав на рыночное хозяйствование: на ценообразование, маркетинг и т. п. Говорил я, конечно, и о необходимости создания кооперативного кредита по регионам.

Критиковал я Горбачева и за национальную политику, в частности, за обман крымских татар, добивавшихся возвращения на родину, а потом и за преступное применение силы в Прибалтике и Грузии и за неприменение оной вовремя в Азербайджане — для пресечения армянских погромов. Я говорил, что это может привести в конце концов к полному распаду СССР. Люди в нерусских республиках видели, что империалистический дух по-прежнему сидит в

российских правителях, заявляющих себя демократами. Я выступал за то, чтобы Москва опережающим образом действовала в направлении создания конфедерации республик со свободой, естественно, их выхода из СССР.

Выступал я по радио и против опоры Горбачева на номенклатуру, доказывая, что номенклатура будет блокировать проведение демократических реформ и может в конце концов свергнуть вечно колеблющегося Горбачева.

Но обстановка в стране все-таки постепенно либерализовалась. Начались поездки на Запад деятелей культуры и «прорабов» перестройки. На моих глазах произошло историческое событие: прибытие на «Свободу» первых советских представителей, режиссера и двух артистов «Ленкома», для участия в беседе у микрофона. В Мюнхене в это время проходил месячник советского театра. В коридор к проходной высыпали едва ли не все эмигранты, сотрудники РС. Ленкомовцы, напряженные, испуганные, шли по коридору, стараясь не смотреть по сторонам. Потом «прорабы» повалили к нам толпой, неплохо зарабатывая на участии в передачах!

Приехала из Москвы и телевизионная группа, чтобы снимать эмигрантскую элиту, и столкнулась с неожиданностью: предполагаемые персонажи фильма отказывались сниматься, узнавая, кто еще из эмигрантов будет в кадрах! Отказывались либо из-за испорченных взаимоотношений, либо из нежелания уронить себя, снимаясь с недостойными по рангу. Режиссер жаловался, что только двое согласились на съемку, не интересуясь, кто еще будет в фильме: Синявский и Гинзбург. Для сравнения. В апреле 1988 года чехословаки пригласили меня (с Анитой и Женей!) в итальянский городок Кортону на конференцию, посвященную 20-летию Пражской весны. И там я увидел всю чехословацкую эмиграцию, старых и новых, левых и правых, и как они радовались встрече друг с другом, как дружно проводили время, пили и пели! Конференция финансировалась фондом Фильтринелли. Кроме меня там, как и прежде, не было ни одного представителя русской эмиграции.

В 1989 году к нам с Анитой приехали первые гости из России — Лен и Люся Карпинские. С Леном мы были знакомы еще с университета. Он тогда, будучи секретарем вузовского комитета комсомола, соприкасался с моим персональным делом («строгий выговор с занесением» за отказ выполнить поручение партии и комсомола!) и старался его смягчить.

Начались поездки в Россию и с нашей стороны. И тут выявилось интересное обстоятельство: политэмигранты правой ориентации, в том числе члены НТС, получали визы на въезд в СССР безотказно, демократам же — отказывали! Я получил два отказа подряд. То есть вновь стал «отказником», но теперь — в обратном направлении!

Завещание Сахарова

А рвался я в Москву и для того, чтобы посетить Андрея Дмитриевича, но не успел: 14 декабря 1989 года его не стало.

Хочу напомнить здесь читателю о последнем выступлении Сахарова, состоявшемся утром его последнего дня на собрании Межрегиональной депутатской группы.

Приведу первую часть этого выступления, в которой содержится нечто подобное завещанию Сахарова и одновременно его прогноз.

«Я хочу дать формулу оппозиции. Что такое оппозиция? Мы не можем принимать на себя ответственность за то, что делает сейчас руководство. Оно ведет страну к катастрофе, затягивая процесс перестройки на много лет. Оно оставляет страну на эти годы в таком состоянии, когда все будет разрушаться, интенсивно разрушаться. Все планы перевода на интенсивную, рыночную экономику окажутся несбыточными, а разочарование в стране уже нарастает. И это разочарование делает невозможным эволюционный путь развития в нашей стране. Единственный путь, единственная возможность эволюционного пути — это радикализация перестройки» (курсив мой. — В. Б.).

Сахаров всегда писал и говорил удивительно емко и немногословно, но в приведенном фрагменте плотность достигает уже каких-то «космических» кондиций.

Обращаю внимание читателя и на то обстоятельство, что Сахаров, выступая, наверняка предчувствовал приближающуюся кончину. И это, без сомнения, побудило его сказать самое важное, что он считал необходимым сказать людям.

В начале 1990 года Лен Карпинский — он тогда работал в «Московских новостях» заместителем Егора Яковлева — по его вертушке позвонил своему бывшему следователю (который вел его дело в брежневские времена) Филиппу Бобкову, занимавшему пост заместителя председателя КГБ (Крючкова), и спросил, почему Белоцерковскому не разрешают въехать в Союз? Бобков попросил позвонить через неделю и тогда сообщил, что Белоцерковский состоит в некоем списке нежелательных лиц, «но пусть едет!». И я наконец получил разрешение, и мы с Анитой полетели на свидание с «родиной-мачехой». Это было в мае 1990 года, после 18 лет жизни за рубежом без надежды на возвращение.

Москва поразила меня сразу же, еще в аэропорту, серостью, бедностью, отсталостью. Таких темных и неудобных аэропортов, как Шереметьевский, я нигде на Западе не видел. Светлее и уютнее был даже Внуковский аэропорт, из которого я улетаю в эмиграцию. И эти подозрительные носильщики с тележками и не менее подозрительные шоферы, встречающие прилетающих.

Ленинградское шоссе, на котором я так много тренировался и выступал, будучи велосипедистом, улица Горького, площадь Маяковского — все это оставалось в памяти как нечто все-таки нарядное. Теперь же все эти места предстали также серыми, скучными, чужими.

Поражали грязные и почти пустые продуктовые магазины. Впоследствии «либералы», агитируя за избрание Ельцина, кричали, что возвращение коммунистов к власти означает возвращение к пустым магазинам. Но до эмиграции в Москве и других крупных городах я не видел пустых магазинов. Мало было модных и качественных товаров, но полки не стояли пустыми. То же относилось и к продуктам.

В целом в Москве у меня возникло ощущение возвращения в прошлое, но постаревшее и одряхлевшее. В точности как это описано у Войновича в «Москве 2042»!

Ветхими и грязноватыми были и квартиры друзей, в которых мы останавливались, дворы и подъезды. Постаревшим и почерневшим представилось и «славное» московское метро. Терзали душу пожилые люди, торговавшие на улицах, возле метро всякой ерундой. Поражало изобилие нищих, а также брошенных собак и кошек. Анита, страстно любящая животных, не раз говорила мне, что не поедет больше в Москву, потому что не в силах видеть несчастных четвероногих! В дальнейшем, все-таки приезжая в Москву из-за меня, она брала под опеку

всех брошенных кошек в ближайших подвалах, кормила их и лечила, подкармливала и собак. Брошенные, точнее выброшенные домашние животные продолжают до сих пор (пишу в 2004г.) ютиться во дворах и подвалах, и их не стало меньше. И это ведь симптом озверения людей! Животных не кастрируют, а приплод подбрасывают в другие дворы подальше от своего. Наплевать этим людям на все и вся! В Германии за 30 лет мы не видели ни одного бездомного животного!

Познакомились мы и с таким позорным явлением, как роющиеся в мусорных ящиках люди. Их фактически тоже выбросили!

Побывали мы с Анитой в Кратово, на моей «малой родине». С волнением ехал я туда, но и там все выглядело запущенным, ветхим, неродным. Участок нашей дачи был изуродован, клены перед домом, посаженные еще отцом в начале 30-х, все были спилены — кому мешали? — от клумб и дорожек, за которыми так ухаживала мама, ничего не осталось, и какой-то уродливый, недостроенный кирпичный дом стоял на участке. Окно дачи было взломано ворами — дело было в начале мая, до дачного сезона — и мы через окно проникли внутрь. И там вновь увидели ветхость, пыль...

Позже я прочел у Бродского замечательные стихи о его «малой родине»:

А зимой там колют дрова и сидят на репе,
И звезда моргает от дыма в морозном небе.
И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли
Да пустое место, где мы любили.

Я был и рад, и не рад, что попал на дачу, на этот «праздник пыли» и запустения.

В тот первый приезд и в ближайшие следующие одно лишь радовало в Москве — глаза людей на улицах были веселые, и молодежи на улицах было много, и почти не встречались люди жлобского сорта.

(Потом, в эпоху Ельцина, все переменилось: витрины разгорелись, а глаза — потухли, молодежи стало меньше, а жлобов — опять больше, да еще нового типа — «крутых», с бандитскими лицами и затылками. И все больше и больше стало на улицах людей, особенно вне Садового кольца, несчастных, нищих, потерянных.)

Еще до того первого посещения Москвы у нас в мюнхенской квартире раздался как-то телефонный звонок, и я услышал в трубке голос старшего сына, Сергея Буркова. Звонил он из Аахена, с научной конференции, и сразу сказал, что хочет увидеться и хочет эмигрировать. Когда через два он это с моей помощью осуществил, находясь в Америке в научной командировке. Пришлось мне ходить с ним в Нью-Йорке по инстанциям и давать клятву, что он, Бурков Сергей Емельянович, мой сын.

О мотивах эмигрировать он сказал мне коротко: «Не вижу перспектив! В нашем институте (это знаменитый институт теоретической физики им. Ландау АН СССР!) уже много сотрудников уехало и еще больше — собирается. Наука рушится!».

Я, значит, стремился обратно, а множество людей — мне навстречу!

Побывали мы, конечно, и на Немецком кладбище. Это была по-своему самая радостная встреча: увидел могилу отца и матери и бесхитростный памятник из красноватого мрамора,

сделанный в виде открытой книги: на одной стороне-странице — барельеф отца, на другой — мамы. Как только увидел памятник, еще за пару шагов до него, я словно вошел в какую-то особую атмосферу, в светлую тишину, что ли? Это непередаваемо. И это ощущение охватывает меня всякий раз, когда я посещаю могилу родителей. Понравилось мне и кладбище: старинное, в высоком лиственном лесу, с вороньим граем в вершинах.

В тот первый приезд в Москву я впервые увидел живого Ельцина. Приближались выборы председателя ВС РСФСР. Ельцин был кандидатом от демократических сил и проводил предвыборную встречу с московской интеллигенцией в Доме кино. Выглядел он тогда еще легким, худощавым, живым. Но уже неприятно поразило его выступление: он откровенно заигрывал с национал-патриотами, высказал их тезис, что Россия самая униженная республика в СССР, что все другие республики ее эксплуатируют, и заявил наглую, «коричневую» ложь, что в РСФСР самый низкий доход на душу населения из всех 15 республик! (На самом деле Россия тогда была на четвертом месте после трех прибалтийских республик, не говоря уж о том, что не одним доходом жив человек.) И склонность к «культу своей личности» у Ельцина уже просматривалась: перед его выступлением был показан апологетический документальный фильм о нем. «Этот фильм не пойдет вам на пользу!» — крикнул какой-то интеллигент из зала. «В жизни я лучше выгляжу?» — развязно отшутился Ельцин. Но в эйфории тех дней я как-то вскоре уже позабыл об этом первом и всегда ведь самом важном впечатлении. А ведь Ельцин еще до того отличился неожиданным приемом в Моссовете демонстрантов патриотического общества «Память» во главе с ее лидером Д. Васильевым. В речи перед «памятниками» Ельцин расписывался в своем почтении к их «идеалам Великой России», журил за антикоммунизм и ни словом не упрекнул за их махровый антисемитизм!

И еще одна деталь. Московская интеллигенция встречала нас, эмигрантов, как правило, с распростертыми объятиями, и мы с Анитой думали, что это радушие порождено политическим прозрением. Но позже я понял, что это было большим заблуждением: люди, радушно встречавшие нас, за редким исключением, глубоко сидели в старом советском («совковом») миропонимании. И когда первая эйфория стала спадать, эта старая сущность начала проступать наружу. Радушие объяснялось, видимо, тем, что они нас видели победителями. Начало проступать непонимание и неуважение демократических принципов, плюрализма, гуманности, но уважение к Власти, завистливая неприязнь к Западу, квасной патриотизм, лживость, короче весь комплекс раба. Я это как-то определил как феномен вставных мозгов. На Западе многие люди — пенсионеры, артисты, дипломаты — носят вставные челюсти, что бы легко было улыбаться, а в России — вставные мозги! Вставленные пропагандой в советские времена.

Ну и самое важное: я понял, что мне будет очень трудно в России пропагандировать свои идеи синтетического социализма по той причине, что я, благодаря усилиям эмиграции, возвращался на родину без «имени», без известности. Многие знали меня как сотрудника «Свободы», но почти никто не знал как теоретика нового социального строя, идеи которого получили на Западе безоговорочное подтверждение в практике.

К концу 80-х годов в стране худо ли бедно началось движение за трудовое самоуправление и приватизацию предприятий в пользу их работников. Появлялись даже выступления в

прессе за введение выборов в законодательные органы власти по производственному принципу.

В тот период я уже начал печатать в российской прессе статьи, которые я, как правило, делал на основе своих «скриптов» (текстов для радио), и одной из моих первых публикаций была статья в «Московских новостях», написанная в полемике с Егором Гайдаром. Осенью 1989 года в «Московских новостях», самой тогда смелой и прогрессивной газете, развернулась дискуссия между Александром Некричем, Леном Карпинским и Егором Гайдаром: можно ли очеловечить социализм или перестройка должна идти к воссозданию капиталистического строя? Некрич решительно утверждал, что очеловечить и обновить социализм нельзя, а Карпинский с Гайдаром возражали ему. В частности, Гайдар в статье, о которой я уже упоминал (см.гл.29) «Частная собственность — новый стереотип» писал:

«Набравший силу процесс демонтажа идеологических стереотипов грозит обернуться формированием новых, противоположных по знаку. И вот уже многим кажется, что достаточно произнести магические слова «частная собственность», «свобода предпринимательства» — и проблемы решатся как по мановению волшебной палочки...

...История не оставила нам шансов повторить английскую модель социального развития. Идея же, что сегодня можно выбросить из памяти 70 лет истории, попробовать переиграть сыгранную партию, обеспечить общественное согласие, передав средства производства в руки нуворишей теневой экономики, наиболее разворотливых начальников и международных корпораций, лишь демонстрируют силу утопических традиций в нашей стране...

...Курс на обновление социализма, включающий и демократизацию общественной жизни, и создание гибкой, динамичной, многосекторной экономики, и развитие системы социальных гарантий, не дань верности идеологическим ориентирам прошлого, а просто результат здравого анализа реальной расстановки общественных сил».¹

Вот как писал Гайдар за два года до того, как начал проводить свою «в утопических традициях» реформу в пользу «разворотливых начальников и международных корпораций»! Я, между прочим, не верю, что за два года взрослый человек, интеллект, может изменить свои взгляды на 180 градусов. Просто такова «принципиальность» наших либеральных мыслителей, которой они ярко блистали уже и в эмиграции. Не забудем еще, что незадолго до полемики в «Московских новостях» Гайдар работал в «Коммунисте» и «Правде» и защищал «реальный социализм» Сталина — Брежнева!

Я включился в дискуссию и написал статью «Возрождение социализма?», которую напечатали в «МН» 31 декабря 1989 года со многими цензурными сокращениями. В статье этой я доказывал, что существующий в стране строй невозможно облагородить, очеловечить, как невозможно и вернуть страну к капитализму, и необходимо создавать принципиально новый строй, который был бы синтезом лучших принципов социализма и капитализма.

Сейчас вспомнил, что ранее в эмигрантском украинском журнале на русском языке я опубликовал статью «Самоуправление и пропасть между мирами» (Форум. 1986. № 15), которая имела прямое отношение к упомянутой дискуссии. В ней я писал, что в случае перехода советской России к капитализму она перейдет не в «первый», а в «третий» мир. Я опирался тут на свою гипотезу о невозможности возникновения в наше время полноценно развитых буржуазно-демократических режимов.

¹Московские новости. 8.10.1989

После публикации моей статьи в «Московских новостях» меня начали печатать и другие газеты и журналы. Не обошлось это без курьезной реакции на «Свободе». Мои успехи в советской прессе, разумеется, вызывали возмущение у многих сотрудников-эмигрантов, которые тоже пытались, но безуспешно, публиковаться в России. И однажды меня вызвали на беседу два заместителя директора русской редакции, эмигранты, и стали выговаривать мне, что я дискредитирую «Свободу», печатаясь в советских газетах, но я оставил их упреки без внимания, указав им, что ни в каких уставах станции это не запрещено.

Запомнился и такой случай. В руководстве РС работал тогда интеллигентный шотландец на американской службе по фамилии Эллиот. У нас с ним сложились хорошие отношения, и однажды мы вместе смотрели по телевидению первомайский парад на Красной площади. Во главе колонны трудящихся двигался огромный плакат: «Самоуправлению — да, бюрократии — нет!».

«А ведь это благодаря вашим передачам и статьям началось это движение!» — сказал вдруг Эллиот. Я возразил, что он преувеличивает мою роль. «Нет, нет! — не уступал он, — я не вижу никого, кто бы так упорно, как вы, и на таком уровне пропагандировал бы в России самоуправление и трудовую собственность». И он рассказал мне, что недавно он побывал в Москве и видел на Пушкинской площади, которая была тогда московским Гайд-парком, мою большую статью из «Независимой газеты» с программой развития самоуправления. Она была вывешена на стене, и около нее толпился народ и обсуждал ее.

И я не понял, как он относится к этой моей роли, нейтрально или с неодобрением. Эллиот был хорошо воспитанным шотландцем!

Союз трудовых коллективов

С начала 1989 года возникло заметное ускорение развития событий в России, время начало уплотняться, и я не смогу сейчас рассказывать о событиях того времени в их истинной последовательности и с точной привязкой к датам. Да это и не так уж нужно.

Настал, в частности, день, когда было прекращено глушение наших передач. Запомнилось волнующее сообщение (воспроизвожу по памяти): «Как передают международные информационные агентства, сегодня, с таких-то часов утра по средневропейскому времени в Советском Союзе прекратилось глушение западных радиостанций, вещающих на русском языке и языках других народов СССР».

Летом 1990 года произошло событие, которое могло стать поворотным в жизни страны и моей: в моей мюнхенской квартире раздался телефонный звонок из города Тольятти. Звонил профсоюзный активист ВАЗа, слесарь Владимир Андрианов. Неведомыми путями ему и его товарищам попала в руки моя книга «Самоуправление», изданная в Мюнхене в 1985 году. Андрианов сказал, что является горячим сторонником идей кооперативного социализма и входит в учредительный комитет Союза трудовых коллективов СССР, создающийся по инициативе рабочих ВАЗа и Кировского завода в Питере с целью вести борьбу за передачу большинства предприятий и учреждений в собственность трудовых коллективов. Моя книга, сказал он, произвела на активистов этого движения сильное впечатление, и они приглашают меня

принять участие в первом учредительном съезде Союза, который они хотят провести в Москве в конце года.

Я, разумеется, согласился, и долго потом не мог прийти в себя, не мог поверить в реальность этого звонка. Но через какое-то время получил по почте приглашение от учредительного комитета и соответствующие проектные документы.

Вскоре после этого директор русской службы В. Матусевич объявил мне, что в связи с новой ситуацией в СССР проводится перестройка структуры вещания и многие тематические программы ликвидируются, в том числе и моя — «Проблемы труда и демократии», которую я создал на месте «Рабочего движения». Но эта «перестройка» оказалась ложной. Закрытые программы других сотрудников вскоре были возобновлены под новыми названиями. Это было для меня, конечно, большим ударом: моя программа закрывалась в то время, когда было прекращено глушение!

Матусевич был назначен, точнее, восстановлен в должности главного редактора, а затем и директора, после моей победы над Ф. Шекспиром и Ко. и удалением от руководства национал-патриотов НТС. И был Матусевич одним из тех новых эмигрантов, евреев, которые досаждали мне больше старых эмигрантов. Матусевич всегда, находясь у руководства, плел против меня интриги. Возможно, это объяснялось его завистливостью, а может и тем, что он был в прошлом агентом КГБ. В начале 70-х он остался на Западе во время одной из своих командировок в Европу, а бывших сотрудников КГБ, как сказал Путин, не бывает!

Между прочим, если верить российским газетам, писавшим в 1999 году, что Владимир Путин во время его пребывания в ГДР (с 1985 по 1990 год) занимался борьбой с «вражеским радиовещанием», то это означает, что он был причастен и к «активным мероприятиям» против меня!

В описываемый период я познакомился по телефону с Сергеем Алексеевым, депутатом Верховного Совета СССР и председателем Комитета конституционного надзора. В разгар шахтерской забастовки он вдруг выступил в Верховном Совете с заявлением, что для успешного проведения демократических реформ надо передать права собственности на средства производства трудовым коллективам. Я немедленно позвонил ему и взял у него интервью. Он сказал, что с интересом слушает мои комментарии по «Свободе» и разделяет мои идеи. В очередной приезд в Москву — а я стал ездить туда чуть ли не ежемесячно за счет своих отпускных дней — я с ним и с его помощниками познакомился очно и договорился о сотрудничестве.

Между тем приближался назначенный на середину декабря учредительный съезд Союза трудовых коллективов СССР (СТК). Важно отметить, что тогда это движение было взято под опеку Ельциным и его людьми, которые рассчитывали использовать его в борьбе за власть с Горбачевым. Ельцин тогда вообще заигрывал с рабочими, поддерживал бастовавших шахтеров, выступал на заводах. Оргкомитет СТК получил помещение в здании Верховного Совета РСФСР.

В последний день ноября на мой адрес и в советское консульство в Мюнхене поступило официальное приглашение на участие в съезде СТК:

«Уважаемый Вадим Владимирович!

Комитет по международным делам и внешнеэкономическим связям и Оргкомитет Съезда Советов трудовых коллективов и Рабочих комитетов (забастовочных. — В. Б.) приглашает Вас принять участие в работе Учредительного Съезда, который состоится 7–10 декабря в Москве в здании Верховного Совета РСФСР (Краснопресненская наб. дом 2).

Зам. Председателя Комитета Е.А. Амбарцумов

Председатель Оргкомитета Съезда В.А. Андрианов».

Я принес приглашение директору службы (Матусевичу!) и попросил либо командировать меня на съезд, либо дать мне неделю отпуска.

В администрации РС началось волнение, совещания. С одной стороны — беспрецедентный случай: впервые сотрудник «Свободы» получает приглашение от Верховного Совета России! С другой стороны — это пахнет большой политикой... Матусевич тем временем заявил, что не может отпустить меня, так как я очень нужен буду в эти дни на станции, что, разумеется, было ложью. И меня не отпустили!

Я расстроился этим безмерно, сильнее, чем когда Матусевич объявил мне о закрытии моей программы.

Как потом стало ясно, тот первый съезд был самым важным и во многом predetermined судьбу всего движения. На съезд приехали делегаты от более чем 500 предприятий, главным образом тяжелой индустрии, из всех регионов СССР. Было также много делегатов и от крупных научно-прикладных институтов. Примерно две трети делегатов представляли Советы трудовых коллективов, созданных тогда почти на всех предприятиях страны, а одна треть состояла из представителей забастовочных рабочих комитетов. И это были очень разные люди. Делегаты от забасткомов прошли уже школу солидарности, были боевыми и независимыми людьми, у которых мало осталось иллюзий насчет ново-старых властей страны. А среди делегатов от СТК было много балласта, людей, выдвинутых еще парткоммами и старыми профсоюзами, а то и «просто» — КГБ. И на съезде делегаты Рабочих комитетов требовали ориентировать создаваемый Союз на забастовочную и политическую борьбу, без которой, считали они, никакой собственности трудовым коллективам не добиться. В президиуме сразу же нашлись оппортунисты, которые стали убеждать съезд в необходимости оставаться общественной организацией и выступать с законодательными инициативами в Верховном Совете. Едва не произошел полный раскол. Но «умеренным» при поддержке «балластных» делегатов удалось утвердить свою линию с небольшими уступками радикалам.

Тем не менее после съезда из созданного Союза начался отток представителей рабочих, забастовочных комитетов. Мои симпатии, разумеется, были на их стороне, и я кусал себе локти, что не мог выступать на том съезде.

После съезда я получил письмо от Владимира Андрианова, который был избран на съезде сопредседателем Совета представителей СТК, руководящего органа Союза, и держался ближе к позиции забастовочных комитетов. В письме, рассказав мне о съезде, он писал:

«В верхних эшелонах власти прекрасно понимают, что против объединившихся трудовых коллективов никакая сила не устоит. Радует то, что за нами не успевают, и мы обязаны сохранять дистанцию. Две вещи мы должны сделать быстро: зарегистрироваться и создать свою независимую газету вместе с издательской базой. Сможем дать информацию в трудовые коллективы — выиграем.

Желаю Вам, Вадим Владимирович, хорошего настроения. Пришло наше время».

Увы, оказалось, что далеко еще не пришло! Володя Андрианов был чудесным парнем, но слишком большим оптимистом.

К письму он приложил заявление, сделанное на съезде делегатами забастовочных комитетов. Заявление это достойно опубликования. Вот его текст:

«Делегаты от рабочих и стачечных комитетов как наиболее радикальная часть Съезда констатируют, что:

1. Верховный Совет СССР проигнорировал резолюцию Всесоюзного совещания представителей трудовых коллективов, состоявшегося в г. Тольятти с 31.08 по 04.09.1990 года. Трудовые коллективы не имеют правовой основы для реального участия в управлении государственными предприятиями, что *создает благоприятные условия для присвоения государственной собственности представителями административно-командной системы* (курсив мой. — В. Б.);

2. На основании п. 13 резолюции Тольяттинского совещания о принятии решительных мер в случае невыполнения данной резолюции Верховного Совета СССР и во избежание стихийных выступлений Рабочие комитеты образовали Объединенный забастовочный комитет для подготовки и проведения всеобщей забастовки.

3. Требуем немедленной передачи прав собственности и имущества государственных предприятий коллективам этих предприятий».

Заявление было подписано большим числом делегатов и к нему были приложены контактные адреса и телефоны (в Перми, Анжеро-Судженске, Минске и Москве).

Выделил я фразу, характеризующую мудрость авторов этого заявления. Тогда еще мало кто предвидел такое развитие событий. Где только сейчас эти люди, и почему они не получили поддержки в обществе?

В январе я получил приглашение на первую сессию Совета представителей СТК. На этот раз я не понес приглашение Матусевичу, а просто взял отпуск на необходимое время и улетел в Москву. В дальнейшем я участвовал почти во всех сессиях Совета представителей и во всех последующих съездах Союза.

Весной 1991 года состоялся 2-й съезд Союза. Он проходил в большом зале СЭВа и собрал представителей уже от полутора тысяч коллективов, но качественный его состав был еще более водянистым, делегатов от забастовочных рабочих комитетов почти не осталось.

Съезд проходил с большой помпой. В качестве гостей съезда выступал тогдашний премьер-министр Силаев и еще какие-то министры. По моему совету на съезд был приглашен Сергей Алексеев. В беседах со мной он соглашался, что Союз должен трансформироваться в политическое движение, бороться за власть и не рассчитывать на содействие любых властей, как горбачевских, так и ельцинских. На съезде Алексеев выступал ярко, но о желательном направлении деятельности Союза ничего конкретного не сказал.

Представители интеллигенции, как и представители левых групп, в работе съезда участие не принимали. И на последующих съездах — также. Разительное отличие от той же Польши!

Меня представили перед выступлением очень неуклюже, как «известного специалиста по вопросам самоуправления трудящихся» и сотрудника радио «Свобода».

Я говорил в своем выступлении о том, что Союз должен надеяться только на себя и «инженерно-рабочий класс» и должен трансформироваться в политическую партию. Я старался доказать делегатам, что никакие номенклатурные группы, стоящие за Горбачевым или Ельциным, ни за что не пойдут на передачу предприятий и учреждений в собственность и управление трудовых коллективов, ибо прекрасно понимают, что вслед за этим им придется расстаться и с властью. Говорил, что большое влияние на Ельцина оказывают элитарные круги так называемой демократической интеллигенции, которые, стремясь как можно глубже затоптать свое «красное» прошлое, слышать не хотят ни о каком кооперативном социализме и уговаривают Ельцина смелее идти к капитализму. «Вы не представляете, — говорил я, — до какой степени они пренебрежительно, а то и презрительно к вам, рабочим и инженерам, относятся!». А ведь именно они сегодня руководят средствами массовой информации и будут игнорировать ваше движение, если вы сами о себе не заявите.

Я предложил включить в резолюцию положение о необходимости перерегистрировать Союз в политическую партию или движение. Значительная часть делегатов приняла мое выступление очень горячо. В зале раздавались голоса с требованием поставить мое предложение на голосование. Но в конце съезда этого предложения вообще не оказалось в проекте резолюции. И никто в зале не запротестовал. Мне это было совершенно непонятно.

Но позднее ко мне подошли двое знакомых мне делегатов и сказали, что утром того дня иногородних делегатов собрали в гостинице, где они жили, и настоятельно посоветовали «развешивать уши» при выступлениях Белоцерковского, не забывая, что он эмигрант и сотрудник радиостанции, руководимой и финансируемой ЦРУ. И на большинство делегатов это, видимо, повлияло. Их сознание, видимо, было отравлено советской пропагандой.

О том, как власти и КГБ боролись тогда с независимым рабочим движением, свидетельствует сенсационный документ, опубликованный Юрием Щекочихиным в «Литературной газете». Это доклад двух генералов КГБ, начальников двух отделов этого ведомства, на имя тогдашнего председателя Комитета Крючкова. В докладе генералы просили Крючкова представить к награждению людей из прилагаемого списка, которые были внедрены в число делегатов учредительного съезда по созданию независимого всесоюзного профсоюза с заданием сорвать его создание (тот съезд проходил несколько ранее съезда СТК) и с успехом выполнили поручение «с помощью различных спецопераций и привлечения к сотрудничеству членов руководящих органов съезда». Доклад этот, как сообщил Щекочихин, был доставлен в газету двумя офицерами КГБ, пожелавшими, естественно, остаться неназванными. Список агентов, представленных к награждению, был также передан ему офицерами КГБ и находится, писал Щекочихин, в надежном месте.

Если бы жив был Сахаров, он, думаю, принял бы участие в работе Союза трудовых коллективов, и с его-то авторитетом, может быть, нам удалось нейтрализовать и агентов КГБ, и их союзников. У меня для этого достаточного авторитета не было.

В завершение второго съезда Володя Андрианов выступил с предложением, чтобы съезд обратился к Горбачеву и попросил его вернуть мне советское гражданство. Незадолго до того Горбачев вернул гражданство большой группе знатных эмигрантов, в том числе и людям, поливавшим его грязью, вроде Максимова и Зиновьева! Съезд подавляющим большинством голосов принял такое обращение, а Сергей Алексеев заявил, что он со своей стороны, от Коми-

тета конституционного надзора, тоже выступит с ходатайством о восстановлении моего гражданства. Я растроганно поблагодарил собрание за такую честь и инициативу.

Через какое-то время я узнал, что из администрации Горбачева пришел отказ. Белоцерковский, мол, добровольно покинул страну, и потому речь не может идти о восстановлении его гражданства. Он может подать заявление в Президиум ВС о получении гражданства. Да, формально я добровольно покинул родину, но на деле-то под угрозой посадки, и главное, уж совсем не добровольно лишился гражданства. Ведь у нас, выезжавших по израильской визе, его отбирали принудительно.

Никуда никаких заявлений я, конечно, подавать не стал. Восстановил я гражданство в 1992 году по принятому тогда либеральному законодательству о гражданстве, одна из статей которого объявляла лишение гражданства лиц, выезжавших по израильским приглашениям, противоречащим конституции и полагала автоматическое восстановление советского гражданства для лиц этой категории. Заполучив паспорт, я наконец-то перестал чувствовать себя эмигрантом!